

Три лика В. Е. Гусева

Три лика Виктора Евгеньевича оживают в моей памяти. Сначала — проректор по науке, много общавшийся с нами, аспирантами. Потом — коллега по кафедре философии, а после перехода Виктора Евгеньевича в статус полного пенсионера — близкий старший друг. Наше общение развивалось от научно-делового к личностному, человеческому, «домашнему». И все эти три образа ни в чем не противоречат один другому, а, напротив, сливаются в одно монолитное многогранное целое. Какое бы место ни занимал Виктор Евгеньевич в общественной иерархии, он всегда оставался самим собой. Но доминантными были черты воина: решительность, собранность, отвага, выносливость. И, думается, его стихотворные строки «Преданья вольницы — Донской и Запорожья — как завещанье предков я хранил», — не просто поэтические слова. Виктор Евгеньевич — один из немногих внутренне свободных людей, встреченных мною в жизни.

Помнится, как наслушавшись легенд об его непоколебимой принципиальности, мы с некоторой робостью ехали под его руководством на Всесоюзную аспирантскую конференцию в Киев. И каким же обаятельнейшим человеком, открытым и демократичным, оказался грозный проректор на самом деле! По части галантных манер он мог дать фору любому: проректор, помогающий девушкам-аспиранткам нести тяжелые чемоданы, — это было что-то неожиданное. И Киев со всеми его чудесами вплоть до поющих соловьев на Днепре открыл для нас Виктор Евгеньевич. Своей замечательной простотой, отсутствием всякой амбициозности при колоссальных знаниях он с первых шагов как бы задавал нам, начинающим исследователям, некоторую личностную планку.

А потом мы оказались рядом на кафедре философии. Твердо стоящий на почве народной материальной культуры, Виктор Евгеньевич был вовсе не чужд метафизики. Говорить с ним о высоких философских материях было одно удовольствие! Получивший блестящую школу культуры мышления, он был серьезным и основательным оппонентом. Монист по убеждениям, он тем не менее глядел на все широко и непредвзято. Может, именно поэтому и перестройку он прожил не в потерянности, как некоторые из его поколения, а трезво и стойко. Хотя, похоже, боль за провал Марксовой идеи «создания подлинно человеческих форм общения» его не отпускала: в отличие от нас, Виктор Евгеньевич сохранил членство в партии до самого конца ее существования. Работая с ним бок о бок, я убедилась, что пресловутая бескомпромиссная тре-

бовательность его в первую очередь направлялась на самого себя. Он и с преподавания ушел неожиданно для всех, решив, что возраст может препятствовать пониманию им студентов и пониманию его студентами. А лекции его по эстетике были образцом классического жанра, я знаю, старые выпускники и сейчас их помнят.

А потом были годы тесного домашнего общения, с чаепитиями и бесконечными разговорами, прогулки по Сосновке с чтением стихов, своих и чужих. Сколько они оба, Виктор Евгеньевич и Людмила Николаевна, рассказывали мне, любопытствующей, о довоенной и послевоенной жизни, войне, сколько я узнала о фольклоре, расколе, сербской культуре... Много было и личных воспоминаний: о начале их романа, протекающего на фоне ареста отца Людмилы Николаевны; о том, как Виктор Евгеньевич мужским волевым решением единолично распорядился ее судьбой, прислав в эвакуацию на ее имя в качестве жены свой военный аттестат... И как Виктор Евгеньевич студентом ИФЛИ после ареста отца публично на комсомольском собрании подтвердил свое сыновство вопреки ожидаемому от него отречению... Я тогда поняла, что интерес Виктора Евгеньевича к протопопу Аввакуму имеет и глубоко личную природу.

Бывая в их доме, я всегда восхищалась его возвышением над бытом. К этой хлопотной стороне обыденности он относился философски и почти по-спартански. Не было в их доме никаких престижных вещей, только книги, книги. И работал, и ел Виктор Евгеньевич за маленьким круглым столиком, никакой кабинетной исключительности. Это еще один урок от него: настоящий интеллигент должен быть чуточкой бессеребряником.

В последние годы Виктор Евгеньевич как-то особенно раскрылся в своей лирической ипостаси. В строгом академическом ученом проступали поэтическая трепетность и человеческая уязвимость. Он как-то мягчал, становился терпимее в целом. И в стихах, и в разговорах звучала, говоря его словами, «песенная грусть»... Именно в это время я читала рукопись его эссе о любви, написанного совместно с сыном Женей. Это был текст уже сугубо академический, яркий, написанный человеком не просто много продумавшим, но и многое пережившим.

Несмотря на разные трудные обстоятельства, Виктор Евгеньевич никогда на моей памяти ни на кого и ни на что не жаловался, не жалел себя, не пребывал в растерянности. Может, что-то похожее и бывало, но мимолетно и невидимо миру. Самообладание ему никогда не изменяло. И вообще он был человеком не изнурительной рефлексии, а решительного действия.

Среди автографов его стихов, сохраненных мною, есть такие негромкие, но предельно искренние строки:

Я все смелей вхожу на высоту,
Все легче мне дышать над облаками,
Но где-то есть предательский шатун —
Старинных сказок бел-горючий камень.

Три лика В. Е. Гусева

Один, всего один неверный шаг —
И знаю — кровь моя на скалы брызнет...
Не потому ли жизнь так хороша,
Что каждый шаг — бой за продление жизни!..

Так он и жил. В бою с обстоятельствами, трагическими событиями, болезнями, временем, возрастом. И упал на бегу в коридоре своей крохотной профессорской квартиры...

А нам осталась грусть от прерванной песни и память о человеке, учителе, ученом.